

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К34

Jonathan Kellerman
WHEN THE BOUGH BREAKS

2010 by Jonathan Kellerman. This translation is published
by arrangement with Ballantine Books, an imprint of Random House,
a division of Penguin Random House LLC

Келлерман, Джонатан.

К34 Он придет / Джонатан Келлерман ; [перевод с ан-
глийского А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2020. —
480 с. — (Детективы профессора психологии).

ISBN 978-5-04-105116-7

Именно с этого романа началась серия книг о докторе Алексе Де-
лавэре и лейтенанте Майло Стёрджисе. Джонатан Келлерман – один
из самых популярных в мире писателей детективов и триллеров.
Свой опыт в области клинической психологии он вложил в более чем
40 романов, каждый из которых становился бестселлером New York
Times. Практикующий психотерапевт и профессор клинической пе-
диатрии, он также автор ряда научных статей и трехтомного учебника
по психологии. Лауреат многих литературных премий.

Лос-Анджелес. Бойня. Убиты известный психолог и его любов-
ница. Улик нет. Подозреваемых нет. Есть только маленькая девочка,
живущая по соседству. Возможно, она видела убийц. Но малышка на-
ходится в состоянии шока; она сильно напугана и молчит, как немая.
Детектив полиции Майло Стёрджис не силен в общении с маленьки-
ми детьми – у него гораздо лучше получается колоть разных громил
и налетчиков. А рассказ девочки может стать единственной – и реша-
ющей – зацепкой... И тогда Майло вспомнил, кто может ему помочь.
В городе живет временно отошедший от дел блестящий детский пси-
холог доктор Алекс Делавэр. Круг замкнулся...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Артём Лисочкин,
перевод на русский язык, 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-105116-7

ГЛАВА 1

Утречко намечалось — лучше не придумаешь. В подобное утро меньше всего хочется слышать о таких вещах, как убийство.

Прохладный тихоокеанский бриз вот уже второй день подряд тянул через побережье на материк, сдувая всю скопившуюся в воздухе дрянь куда-то в сторону Пасадены. Мой дом уютно устроился в предгорье чуть северней Бель-Эйр, почти в самой высшей точке старой конной тропы, змеящейся вокруг Беверли-Глен, где бьющие в глаза изобилие и богатство уступают место сонной сельской одуре. Это район «Порше» и койотов, дурно работающей канализации и потайных чистых ручейков.

Собственно мои владения — это восемнадцать сотен квадратных футов красного дерева с металлизированной пропиткой, серой от времени кровельной дранки и тонированного стекла. Где-нибудь поближе к городу такое сооружение считалось бы убогой лачугой; здесь же, в горах, это уже вполне пристойное «деревенское гнездышко», тихое прибежище от городского шума и суеты — ничего пафосного, зато куча всяких террас и веранд, неожиданных ракурсов и приятных визуальных сюрпризов. Проект в свое время разработал для себя любимого один венгерский художник, чьи попытки забросать «галерейные ря-

ды» на бульваре Ла-Синега невероятных размеров полотнами с треугольниками всех цветов радуги завершились полным финансовым крахом. Потеря для искусства обернулась выгодой для меня — благодаря решению лос-анджелесского суда по делам о банкротстве. В хороший денек вроде нынешнего в комплекте с домом идет еще и вид на океан — смутная лазурная полоска, робко выглядывающая над прибрежным районом под названием Палисады.

Я спал один с открытыми окнами — к черту грабителей и нынешних последователей Мэнсона! — и проснулся в десять, голый, в окружении свалившихся на пол простыней, в самый разгар какого-то тут же забытого сновидения. Чувствуя себя расслабленно и умиротворенно, приподнялся на локтях, кое-как подобрал обратно простыни и бездумно уставился на карамельные полоски солнечного света, просачивающиеся сквозь высокие французские окна. Вытащило меня из постели лишь вторжение обычной комнатной мухи, которая то пытливо исследовала складки простыней — мертвечину искала, что ли? — то вдруг кидалась мне на голову на манер пикирующего бомбардировщика.

Прошаркал в ванную, открыл краны, чтобы наполнить джакузи, после чего в сопровождении мухи направился в кухню на предмет поисков чего-нибудь съедобного. Сделал себе кофе, и мы с мухой по-братски разделили рогалик с луком. Двадцать минут одиннадцатого утра, понедельник — и никакой необходимости куда-то ехать или что-нибудь делать. Блаженный декаданс...

С того момента, как мне преждевременно пришлось оставить врачебную практику, прошло уже почти полгода, но меня до сих пор изумляло, насколько прост оказался переход от маниакального трудоголика к тормозному лодырю, озабоченному только собственной персоной. Наверное, такова и была моя истинная суть с самого начала.

Вернулся к бурлящей ванне, присел на краешек, дожевывая рогалик. В голове понемногу рождались планы

ОН ПРИДЕТ

на предстоящий день: понежусь как следует в горячей водичке; прогляжу утреннюю газетку; может, пробежусь трусцой до каньона и обратно; приму душ; потом, пожалуй, скатаюсь в... Но тут все эти приятные размышления грубо прервал звонок в дверь.

Обмотавшись полотенцем, я подошел ко входной двери в тот самый момент, когда в нее уже входил Майло Стёрджис.

— Было незаперто, — объяснил он, крепко прихлопывая за собой дверь и швыряя на диван экземпляр «Таймс»¹. Уставился на меня, и я потуже затянул вокруг себя полотенце. — Ну, с добрым утром, дитя природы!

Я махнул ему, чтобы проходил внутрь.

— Вообще-то неплохо бы запираться, дружище! Иначе знаешь, как бывает? Если нужна наглядная иллюстрация, то изволь — у меня в отделе таких протоколов что грязи.

— Доброе утро, Майло.

Дотащившись до кухни, я налил две чашки кофе. Майло, который здоровенной неуклюжей тенью следовал за мной по пятам, тут же открыл холодильник и вытащил оттуда тарелку с холодной пиццей, которую я, убей бог, не помню, чтобы когда-нибудь покупал. Вернувшись вслед за мной в гостиную, он рухнул на мой старый кожаный диван — артефакт из брошенного офиса в Уилшире, — пристроил тарелку на бедре и вытянул ноги.

Я сходил в ванную закрыть краны и устроился напротив него на бежевой оттоманке.

Майло мужик крупный — шесть футов два дюйма, двести двадцать фунтов² — и, подобно таким же здоровенным бугаям, сидя словно растекается, как кисель. В то утро, утонув в диванных подушках, он больше походил на огромную тряпичную куклу — куклу с широким прият-

¹ Имеется в виду газета «Лос-Анджелес таймс». — *Здесь и далее прим. пер.*

² Соотв. 188 см и 100 кг.

ным лицом, почти мальчишеским, если не считать глубоких оспин на коже и усталых глаз. Глаза у него на удивление зеленые, с красноватыми белками, брови темные и косматые, шевелюра тоже почти черная и густая — причем именно что шевелюра, а не укладочка волосок к волоску, — как говорят в народе, «под Кеннеди». Нос крупный, с довольно заметной горбинкой, губы пухлые и по-детски мягкие. Вниз по рябым щекам спускаются баки, вышедшие из моды как минимум лет пять назад.

Как обычно, на нем была какая-то подделка под «Брукс бразерс» — оливково-зеленый габардиновый костюм, желтая рубашка, ядовитый галстучек в зелено-золотистую полоску, густо-бордовые ботинки... Смотрелся он в этом наряде столь же стильно, как У. К. Филдс¹ в красных кальсонах.

Не обращая на меня внимания, Майло сосредоточился на пицце.

— Молодец, что нашел время заглянуть на огонек.

Когда тарелка опустела, он наконец опять подал голос:

— Ну, и как у тебя дела, старина?

— Дела у меня просто замечательно. Так чем могу, Майло?

— А кто говорит, что мне от тебя чего-то надо? — Он отряхнул крошки с коленей прямо на ковер. — Может, я просто в гости зашел.

— Хм! Ты врываешься сюда без звонка, да еще с такой перекошенной физиономией — это просто в гости зашел называется?

— Надо же, какая сила интуиции!

Майло с силой провел руками по лицу, словно умываясь без воды.

— Хочу кое о чем попросить, — сдался он наконец.

¹ Уильям Клод Дукенфилд, более известный как У. К. Филдс, — американский комик с характерной внешностью.

ОН ПРИДЕТ

— Ладно, бери машину. Я часов до четырех все равно никуда не собираюсь.

— Нет, на сей раз я не за этим. Мне нужны твои профессиональные услуги.

Тут уже мне понадобилась пауза.

— Ты не в моей возрастной категории, — произнес я наконец. — А потом, я давно уже завязал с профессией.

— Я не шучу, Алекс. У меня сейчас один из твоих коллег лежит на столе в морге. Некто Мортон Хэндлер.

По фамилии я его знал, в лицо — нет.

— Вообще-то Хэндлер — психиатр.

— Психиатр, психолог... Незначительные смысловые нюансы в данном случае. Чистая семантика... Важнее то, что он мертв. Убит. Глотку от уха до уха раскроили плюс выпотрошили как следует — вся требуха наружу. И еще одна дамочка, знакомая его, — с ней обошлись примерно так же, и даже почище. Значительные повреждения половых органов, нос отрезали напрочь... Дом, где все это случилось, — его дом, — теперь не дом, а натуральная бойня.

«Бойня», «семантика»... Иногда хорошо чувствуется, что у моего друга степень магистра по американской литературе.

Я оставил чашку.

— Хорошо, Майло. Аппетита ты меня уже лишил. А теперь скажи, при чем здесь я?

Он продолжал, будто и не слышал:

— Меня вызвонили туда в пять утра. И с тех пор я по колено в дерьме и кровище. Вонь там — ну просто не передать! Люди плохо пахнут, когда умирают, знаешь ли. Я не про разложение — я про ту вонь, которая еще до разложения. Я-то думал, что уже ко всему привык. Но тут как нюхнешь, так аж досюда пробирает! — Он похлопал себя по животу. — В пять утра! Пришлось бросить дружка в постели — он мне целую сцену закатил. Горы мяса с кишками, и все это в пять утра... Господи!

Майло встал и нацелился взглядом в окно, неотрывно глядя куда-то поверх сосен и эвкалиптов. С моего места мне была видна завивающаяся вдалеке струйка дыма — кто-то затопил камин.

— А у тебя тут и вправду классно, Алекс. Тебе не скучно жить в таком раю и абсолютно ничего не делать?

— Ни капельки не скучно.

— Угу. Тоже думаю, что нет. И про Хэндлера и ту девчонку ты больше и слышать ничего не хочешь.

— Только нечего изображать тут пассивно-агрессивное расстройство, Майло. Выкладывай, зачем пришел.

Он обернулся и посмотрел на меня сверху вниз. Теперь его крупное некрасивое лицо выглядело еще более усталым.

— Я полностью подавлен, Алекс. — Он протянул мне пустую чашку, словно какой-то огромный Оливер Твист, которого только что хлопнули пыльным мешком по голове. — Наверное, только по этой причине я готов вынести еще чашечку этой отвратительной бурды.

Я взял чашку и налил ему добавки. Майло шумно отхлебнул.

— У нас есть возможный свидетель. Ребенок, который живет в том же доме. Девчонка в полном раздрае, сама толком не знает, что видела. Я как глянул на нее, так сразу про тебя подумал. Что ты мог бы с ней поговорить — может, даже загипнотизировать, чтобы встряхнуть ее память.

— А у вас что, нет штатных психологов?

Он полез в карман пальто и вытащил пригоршню полароидных снимков.

— Глянь-ка, какая красота.

Я взял их, присмотрелся. От увиденного меня чуть не вывернуло наизнанку. Быстро сунул ему фотки обратно.

— Убери ради бога и больше мне такого не показывай!

— Небольшой беспорядочек, угу? Говорю же — мясо. — Майло допил чашку, запрокинув ее к самому носу, чтобы стекло все до капли. — А все наши штатные психологи — это

ОН ПРИДЕТ

всего лишь один-единственный парень, который поставлен следить, чтобы в наши доблестные ряды не пролезли всякие шизики. А задача номер два у него — отлавливать тех шизиков, которые все-таки умудрились к нам просочиться. Вдобавок по детишкам он не спец. А вот ты — да.

— Но я совершенно не спец по убийствам.

— Забудь ты про убийство! Это моя проблема. Просто поговори с девчонкой, которой всего лишь семь лет от роду.

Я по-прежнему колебался. Майло примирительно выставил вперед ладони — совершенно белые, словно он долго оттирал их пемзой.

— Эй, я не имел в виду совсем уж бесплатно! Я готов проставиться. Знаю одно неплохое итальянское местечко, ньюкки там — пальчики оближешь. И совсем неподалеку от...

— От этой бойни, как ты изволил выразиться? — Я скривился. — Нет уж, спасибо. А потом, я за тарелку макарон не работаю.

— И чем же тебя тогда можно соблазнить? У тебя ведь и так все уже есть — и дом в горах, и классная тачка, и шмотки от «Ральф Лорен»... Даже кроссовки и те «Ральф Лорен»! Господи, в тридцать три года уже типа как на пенсии, и с рожи загар не сходит... Да меня только от одного перечисления всего этого зло берет!

— Да, но счастлив ли я?

— Думаю, что да.

— И ты абсолютно прав. — Я подумал про жуткие фотографии. — Так что бесплатная контрамарка на фильм ужасов мне тоже не нужна.

— Знаешь, — заметил Майло, — я готов поспорить, что за всей этой твоей деланой зрелостью и умудренностью скрывается обычный молодой оболтус, готовый на стену полезть со скуки.

— Чепуха.

— Нисколько не чепуха. Сколько времени уже прошло — шесть месяцев?

— Пять с половиной.

— Хорошо, пять с половиной. Когда мы с тобой познакомились — поправь меня, если я ошибаюсь, — ты был полон жизни, энергии через край, на все свое суждение. Котелок варил на всю катушку. А теперь я только и слышу, что о пользе гидромассажа, да за сколько ты пробегаешь свою долбаную милю, да какие офигительные закаты видать у тебя с террасы... Выражаясь на твоём жаргоне, это регрессия. Всех забот — натянуть шортики поцветастей, на роликах прокатиться да в водичке поплескаться. Как и половина населения в этом городе, ты функционируешь на уровне шестилетки.

Я расхохотался.

— И ты делаешь мне это предложение — влезть с головой во все это мясо с кишками — исключительно в качестве трудотерапии?

— Алекс, да ты отсидишь себе всю жопу, пытаясь по Фрейдю достичь nirваны через инерцию, но у тебя все равно ничего не выйдет! Помнишь, как там у Вуди Аллена: излишняя зрелость — это нехорошо, можно перезреть и испортиться?¹

Я хлопнул себя по голой груди.

— Пока никаких признаков порчи не вижу.

— А они изнутри сидят, потом проявятся — вылезут, когда ты меньше всего ожидаешь.

— Спасибо вам, доктор Стёрджис.

Он с отвращением посмотрел на меня, вышел в кухню и вернулся, вонзив зубы в обнаруженную там грушу.

— М-м... Вкуснота!

— Кушай на здоровье.

— Ладно, Алекс, забыли. Я с этим психиатром и этой девицей Гутиэрес как-нибудь сам разберусь. Все, что у меня есть, — это семилетняя девчонка, которая вроде что-то видела или слышала, но слишком напугана, чтобы все это

¹ Фраза из фильма американского режиссера В. Аллена «Энни Холл» (1977), сразу же раздерганного на цитаты.

ОН ПРИДЕТ

осознать и хоть как-нибудь связно изложить взрослым дядям. Я прошу у тебя всего два часа твоего времени — уж чего-чего, а времени-то у тебя навалом — и вот что получаю: шиш с маслом.

— Не гони лошадей. Я не сказал, что отказываюсь. Дай мне уложить все это в голове. Я только что проснулся, а ты врываешься ко мне таким вот макаром и сразу огорошиваешь каким-то двойным убийством...

Дернув рукой, чтобы оттянуть обшлаг рубашки, Майл присмотрелся к циферблату своего «Таймекса»¹.

— Десять тридцать семь. Бедное дитя. — И, смерив меня уничижающим взглядом, он опять вгрызся в грушу, отчего сок потек у него по подбородку.

— Во всяком случае, ты наверняка помнишь, что вышло, когда мне пришлось последний раз иметь дело с полицией. Тот опыт оказался для меня довольно травмирующим.

— Да, с Хиклом и впрямь нехорошо вышло. Но ты тогда и сам был потерпевшим — в некотором роде. Я насколько не заинтересован тебя во все это по полной втягивать. Просто побеседуешь с малышкой часок-другой. Как я уже говорил, может, гипноз попробуешь, если у тебя не будет возражений... И сразу едем есть ньокки. Я вернусь домой и попробую уговорить своего возлюбленного, а ты можешь опять запереться в своей башне из слоновой кости. Конец пьесы. А на недельке можно будет просто так куда-нибудь сползть — к примеру, по сашими в японском квартале вдарим... Ну так как?

— А что этот ребенок в принципе видел или слышал? — спросил я, с тоской наблюдая, как блаженный денек ничегонеделания на глазах вылетает в трубу.

— Тени, голоса каких-то двух человек — может, трех. Но кто там на самом деле знает? Она ведь совсем кроха, да еще такая моральная травма... Мать ее перепугана ничуть не меньше, и у меня сложилось впечатление, что в плане интел-

¹ Дешевая марка наручных часов.

лекта она отнюдь не физик-ядерщик, для начала-то. Я просто не представляю, с какой стороны зайти, Алекс. Я уже повсякому пытался: и утешал, и сюсюкал... Может, если б там оказался инспектор по делам несовершеннолетних, то что-нибудь бы да вышло, но теперь их раз-два и обчелся. Наше начальство лучше еще три дюжины заместителей наберет, которые только бумажки перекладывать умеют.

Грушу он догрыз до самой сердцевины.

— Тени, голоса... Вот и всё. Ты ведь вроде спец по психолингвистике? Знаешь, на каком языке общаться с малолетками. Если сможешь заставить ее открыться, будет здорово. Если она даст хоть что-нибудь похожее на словесный портрет — вообще фантастика. Ну а если нет, то делать нечего — по крайней мере, мы пытались.

Психолингвистика... Давненько я не употреблял этот термин — последний раз это было вскоре после того происшествия с Хиклом, когда я вдруг поймал себя на том, что окончательно потерял над собой контроль, а лица Стюарта Хикла и всех детишек, над которыми он измывался, безостановочно кружились у меня в голове. Майло тогда потащил меня выпить. Где-то часа в два ночи он громогласно спросил, почему дети так долго держали все это в себе.

«Они ничего не рассказывали, потому что никто не знал, как их слушать, — объяснил я тогда. — Они считали, что сами во всем виноваты».

«Вот как? — Он поднял на меня затуманенный взор, обеими руками вцепившись в большую глиняную кружку с пивом. — Ну да, я вроде уже слышал что-то такое от наших спецов по малолеткам».

«Именно так дети и думают, пока малы и эгоцентричны. Словно они — это центр вселенной. Мама поскользывается, ломает ногу, а они винят в этом себя».

«И долго это длится?»

«У некоторых это вообще никогда не проходит. У большинства из нас подобная установка со временем

ОН ПРИДЕТ

ослабевают. Уже лет в восемь-девять мы воспринимаем окружающее гораздо более четко — но в любом возрасте взрослый всегда может манипулировать детьми, убедить их в том, что виноваты они сами».

«Вот скотство, — пробормотал Майло. — И как же ты вправляешь им мозги?»

«Нужно знать, как дети думают в том или ином возрасте. На разных стадиях развития. Начинаешь говорить на их языке — и пополняешь свои знания в области психолингвистики».

«И вот этим ты и занимаешься?»

«И вот этим я и занимаюсь».

Через несколько минут он спросил: «Как ты лично считаешь: чувство вины — это плохо?»

«Вовсе необязательно. Это часть того, что предохраняет человеческое общество от распада. Хотя в избытке может и покалечить».

Майло кивнул. «Угу, мне это нравится. А то мозгоправы вроде только и твердят, что, мол, хуже чувства вины вообще ничего нету. Твой подход меня больше устраивает. Вот что тебе скажу: как раз чувства вины нам частенько и не хватает — в этом мире просто не протолкнуться от всяких долбаных дикарей!»

Никаких возражений на этот счет у меня тогда не нашлось.

Мы поговорили в подобном духе еще немного. Алкоголь окончательно отпустил наши ментальные тормоза, и мы начали смеяться, а потом плакать. Бармен перестал протирать свои стаканы и подозрительно уставился на нас.

* * *

С точки зрения душевного состояния это был очень хреновый — действительно крайне хреновый — период в моей жизни, и я хорошо помнил, кто оказался рядом, чтобы помочь мне его преодолеть.